

УДК 94(4)“1492/1914”

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКОЕ КОЛОНИАЛЬНОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО В КОНЦЕ XIX ВЕКА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПЕРЕГРУППИРОВКУ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ

Морозов Е.В.

*ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
Санкт-Петербург, Россия, e-mail: evmorozov2012@yandex.ru*

Проведен анализ динамики колониального соперничества Великобритании и Франции за Северо-Восточную Африку в конце XIX века. Особое внимание в статье уделено африканской политике России, а также роли русско-французского союза в эволюции англо-французского колониального соперничества за Северо-Восточную Африку. Показаны развитие дипломатических отношений между членами антибританской коалиции в Африке и частные политические инициативы отдельных лиц. Колониальная политика великих держав в Африке изучена не изолированно от других политических процессов, прежде всего, эволюции англо-германских и франко-германских отношений.

Ключевые слова: колониальное соперничество, Великобритания, Франция, Северо-Восточная Африка, история международных отношений

ANGLO-FRENCH COLONIAL RIVALRY AT THE END OF THE XIX CENTURY AND ITS INFLUENCE ON THE EUROPEAN POWERS REGROUPING

Morozov E.V.

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
e-mail: evmorozov2012@yandex.ru*

The analysis of dynamics of colonial rivalry of Great Britain and France for Northeast Africa at the end of the XIX century is made. The special attention in the article is given to the African policy of Russia, and also a role of the Russian-French union in the evolution of the Anglo-French colonial rivalry for Northeast Africa. Private political initiatives of separate persons and the development of diplomatic relations between members of the anti-British coalition in Africa are shown. The colonial policy of great powers in Africa is studied not separately from the other political processes, first of all, the evolution of the Anglo-German and French-German relations.

Keywords: colonial rivalry, Great Britain, France, Northeast Africa, history of international relations

Введение

На протяжении 90-х годов XIX века Великобритания и Франция занимали лидирующие позиции в процессе колониального раздела африканских территорий. Обе эти страны имели собственные масштабные проекты, связанные с будущим устройством присоединяемых земель. Для Англии важнейшим африканским проектом стала идея создания непрерывной цепи владений от Каира до Кейптауна, для Франции – от Дакара до Джибути. Таким образом, заранее было ясно, что важнейшие интересы обоих государств столкнутся именно в Судане, на который они оба претендовали.

Цель исследования

Цель исследования – рассмотреть историю колониального соперничества Великобритании и Франции в Северо-Восточной Африке в конце XIX в. и выявить ее влияние на перегруппировку военно-политических блоков в Европе.

В качестве метода научного исследования использован метод историзма, требующий исследования явлений и процессов в связи с конкретными условиями, породив-

шими их, выделения как общих, так и своеобразных черт, присущих этим явлениям, раскрытия объективно существующих связей между фактами и выяснения их специфики с учетом пространственно-временных связей. Статья написана на основе российских и зарубежных документов, монографий и статей, посвященных истории колониального соперничества.

В колониальной борьбе Великобритании и Франции за Судан сплелось и пересеклось множество различных интересов. Это интересы определенных кругов в правительствах, в бизнесе и торговле, отдельных личностей (политиков, колониальных администраторов, военных и путешественников), а также других государств. Колониальное соперничество было гораздо более подвержено влиянию различных лиц, даже не всегда занимающих официальные посты, поэтому основные его направления, формировавшиеся в Париже и Лондоне, на местах подвергались серьезнейшим метаморфозам, и часто их реализация более зависела от воли случая или личной инициативы одного человека, чем от официальных инструкций.

Следует иметь в виду, что в конце XIX в. ход англо-французского соперничества претерпел значительные изменения как по форме, так и по содержанию. В 1880-е гг. борьба велась достаточно скрыто и, в основном, на дипломатическом уровне и на международных конференциях, касающихся международного статуса Египта и Суэцкого канала. Суданом в этот период обе стороны интересовались мало. Французы не вмешивались в процесс захвата Южной и Центральной Африки, за исключением случаев с Мадагаскаром и Конго, англичане, со своей стороны, не препятствовали французам устраиваться в Северной и Экваториальной Африке. Это положение было закреплено англо-французским соглашением 1890 г., но этот договор, по сути, стал последним, заключенным в более или менее доверительной обстановке [8].

В последующее десятилетие ситуация коренным образом изменилась, поскольку речь теперь шла не просто об определении сфер влияния, а уже о конкретном захвате и разделе территорий, включая и спорные земли, такие как Судан и северо-восточная часть Конго. На этом этапе Лондону и Парижу пришлось не только вступить в активное взаимодействие с другими участниками колониального раздела Африки, но и искать себе союзников среди них. Для Англии существовала серьезная необходимость окружить Египет и Судан цепью своих владений, дабы не дать Франции и Германии покуситься на ее «исконные» права. Эти цели преследовали соглашения с Парижем и Берлином 1890 г. и с Италией 1891 г. [5].

Важнейшим конкурентом как Англии, так и Франции, безусловно, была Германия, хотя и приступившая к созданию собственной колониальной империи позже всех, но вполне успешная к началу территориального раздела Африки. В середине 80-х годов XIX века Германия присоединила к себе Юго-Западную Африку, Камерун, Того и Восточную Африку (Танганьiku). Восточная Африка представляла собой довольно крупную область, с хорошо налаженной, в том числе и арабами, торговлей и включала в себя богатый Занзибарский султанат. В 1890 г. Великобритания и Германия договорились о разграничении своих владений в Восточной Африке, причем Лондон передал Берлину стратегически важный остров Гельголанд в Северном море, получив за это право контроля над Занзибаром [1]. Таким образом, Великобритания отказалась от тех восточноафриканских территорий, которые

находились в рамках проекта «Каир – Кейптаун», после чего единственным способом соединить британские южноафриканские владения с Египтом, было договориться со Свободным Государством Конго, граничившим с Танганьикой с запада и с махдистским Суданом с юга.

После 1890 г. Конго и его сюзерен, бельгийский король Леопольд II, стали важными участниками англо-французской борьбы за обладание Суданом. В то же время Леопольду постоянно приходилось лавировать между Великобританией, Францией и Германией, собственные же интересы Конго в целом были достаточно ограничены и сводились к желанию приобретения приграничного с Суданом округа Ладо. С 1893 г. в Лондоне и Париже активно стремились достигнуть соглашения с Леопольдом, поскольку понимали, что без участия Конго решение суданского вопроса невозможно. Эти попытки привели к Конголезскому кризису 1894 г., когда Лондон пытался получить у Леопольда коридор к Судану. Важно отметить, что в период кризиса произошло серьезное сближение европейских противников – Германии и Франции. Оно показало, что Париж и Берлин могут совместно и успешно действовать в колониальных вопросах. В то же время, на наш взгляд, не следует рассматривать франко-германское сотрудничество в африканских вопросах в отрыве от отношений этих двух государств в Европе. Эльзас и Лотарингия оставались в составе Германии, и во Франции никогда не променяли бы возможность их возвращения на колониальные приобретения. Блокировка с Германией для французского правительства имела целью лишь оказать давление на Лондон для получения уступок в ряде вопросов, в том числе египетском.

В 1894 г., после разрыва соглашения с Великобританией, Леопольд II вступил в колониальный союз с Францией. С этого момента Фашодский кризис был уже неизбежен [6]. Англо-французские переговоры 1894-1895 гг. ни к чему не привели, стало окончательно ясно, что урегулировать египетский вопрос таким образом невозможно. В то же время Париж стремился овладеть южным Суданом не только для того, чтобы присоединить его к своей колониальной империи, но и потому, что эта акция могла серьезно упрочить его позиции на переговорах с Лондоном о статусе Египта.

Другим важнейшим фактором, как для Франции, так и для Великобритании, была Эфиопия. В конце XIX вв. эта страна стала

объектом активных колониальных устремлений европейских держав, в первую очередь, Англии, Франции и Италии. Тем не менее, ей удалось не только сохранить свою независимость, разгромив сильную регулярную европейскую армию, но и в несколько раз увеличить размер своей территории. Это объясняется многими причинами. Император Эфиопии Менелик II был выдающимся человеком, и именно ему страна обязана сохранением независимости. Менелик, правитель хитрый и властный, сумел консолидировать страну, блестяще воспользовался противоречиями между европейскими государствами, по очереди опираясь на помощь Италии, Франции и России. Существенным было и географическое положение Эфиопии. Гористая местность затрудняла экономическое и политическое проникновение европейцев, и, кроме того, была весьма выгодна для обороны. Относительно небольшое количество полезных ископаемых, добываемых тяжелым трудом, также не способствовало деятельности европейских экономических компаний. Потому Эфиопия была гораздо более важна как геополитический плацдарм против Судана и других восточноафриканских территорий.

В этой ситуации важно было учитывать и мнение России, которая, тем более, была связана с Францией союзническими обязательствами, и являлась давним противником Англии. Политика России в Северо-Восточной Африке была подчинена второстепенным политическим целям. Еще в 1880-е гг. существовал проект приобретения порта на Красном море, из которого можно было бы угрожать позициям Англии в Египте и бассейне Индийского океана. Влиятельные политические силы славянофильского направления стремились также к проведению активной российской политики в христианской Эфиопии и даже к присоединению к России части побережья Красного моря.

После потери Эфиопией выхода к морю, эта африканская страна стала рассматриваться в Петербурге лишь как возможный противовес колониальным устремлениям Англии и Италии в Северо-Восточной Африке. Две экспедиции в Эфиопию поручика В.Ф. Машкова в 1889–1892 гг. имели целью укрепление российско-эфиопских отношений накануне итало-эфиопской войны. Россия и Франция не признали итальянский протекторат над Эфиопией. Новый российский император Николай II не обладал осторожностью своего отца и был готов к прове-

дению активной внешней политики, открыв новую эру в российском проникновении в Северо-Восточную Африку. Экспедиция Н.С. Леонтьева в Эфиопию в 1894-1895 гг., эфиопское посольство в Петербург и крупные поставки оружия в очередной раз показали императору Менелику II, что в борьбе с Италией он может опереться не только на Францию, но и на союзную с ней Россию [2].

Большой интерес представляет выявление роли России в процессе формирования новых границ в Северо-Восточной Африке. Если говорить о продолжающейся политике относительно российской колониализма и применимости или неприменимости к политике России в Африке концепции ориентализма Э. Саида, утверждающей, что неотъемлемой частью колониализма было стремление к приобщению «примитивных» восточных народов к западным ценностям, то автор полагает, что эта концепция может быть применена к Великобритании и Франции, но не к России. Политика Петербурга в Африке была связана с двумя основными аспектами. Во-первых, стремлением не допустить захвата Суэцкого канала Великобританией, поскольку канал был важен для Петербурга как средство сообщения со своими дальневосточными территориями. Во-вторых, российскую политику в регионе определял союз с Францией, который в значительной степени изначально был направлен против Англии – старого противника России. В то же время, в документах министерства иностранных дел неоднократно подчеркивалось отсутствие у России каких-либо захватнических планов в Африке. Частные инициативы Н.С. Леонтьева, связанные с тем, чтобы привлечь Россию к экономической эксплуатации отдельных эфиопских территорий, не нашли понимания в Петербурге. Министерство финансов вообще категорически возражало против проведения Россией активной политики в Африке, военное министерство также подчеркивало необходимость соблюдения крайней осторожности и сдержанности на этом направлении. Некоторые российские офицеры, участвовавшие в эфиопских военных экспедициях, получили на родине весьма прохладный прием. Церковные круги после краха миссии Н. И. Ашинова особой инициативы не проявляли и культурной экспансии не вели. Таким образом, можно констатировать, что Россию ни в коей мере нельзя считать претендентом на участие в процессе колониального раздела Африки [2].

Итало-эфиопская война 1895-1896 гг. стала историческим рубежом в итальянской политике. После тяжелого военного поражения в Риме на долгое время отказались от африканской экспансии и стали искать пути сближения с Францией, поскольку партнеры по Тройственному союзу не могли обеспечить реализации политических устремлений Италии и рассматривали ее как младшего партнера. Была прекращена таможенная война с Францией, в 1898 г. подписан торговый договор. Позже, в 1900-1902 гг. в Риме были заключены два секретных франко-итальянских соглашения, согласно которым Италия признавала французские притязания на Марокко, а Франция – притязания Италии на Триполитанию и Киренаику [4]. Теперь каждой из сторон предоставлялась возможность действовать в интересующем ее районе, когда она сочтет необходимым, независимо от действий другой. Стороны обязались сохранять строгий нейтралитет, если одна из них станет объектом неспровоцированного нападения или вследствие прямого вызова окажется вынужденной принять на себя инициативу объявления войны. Италия фактически отошла от Тройственного союза, оставив Германию в изоляции со своей слабой союзницей Австро-Венгрией.

Война подвела черту и попыткам Лондона помешать укреплению французских позиций в Эфиопии чужими руками. После поражения Италии Англия активизировала свою политику в северном Судане, а Франция стала готовить военные экспедиции для завоевания этой африканской страны с юго-запада. Россия и Франция солидаризовались против попытки Англии осуществить финансирование военной экспедиции в северную часть Судана – Донголу из средств Кассы египетского долга. Для Франции это было бы не просто не выгодно, а еще и унижительно, поскольку она была одним из главных держателей Кассы и не могла позволить использовать ее ресурсы во вред себе. Позиция России в этом вопросе была в значительной степени независимой, и даже более активной, чем французская. Необходимость поддержания коммуникаций со своими дальневосточными владениями приводила Петербург к мысли о том, что пока Суэцкий канал находится в руках его мощного конкурента, интересы России в любой момент могут быть поставлены под угрозу. Таким образом, Франция и Россия обоюдно стремились добиться эвакуации британских войск из Египта.

Когда была доказана возможность строительства дамб и плотин на Верхнем Ниле, с помощью которых можно было подорвать водоснабжение Египта, во Франции серьезно задумались над тем, чтобы вновь поставить перед Англией египетский вопрос. Еще в 1894 г. Франция получила от Эфиопии концессию на строительство железной дороги от Джибути на красноморском побережье до Фашоды на Белом Ниле. Эта концессия позволила Франции обеспечить прикрытие своим колониальным устремлением в южном Судане [3].

Экспедиция Российского общества Красного Креста в Эфиопию в 1896 г. оказала огромное влияние на международную общественность. Россия была первой страной, предоставившей бескорыстную помощь такого масштаба африканскому государству.

Заключенный в 1897 г. франко-эфиопский договор предполагал раздел Судана между двумя государствами [7]. Установление дипломатических отношений с Эфиопией в 1898 г., на наш взгляд, было обусловлено политическим сближением России и Франции в восточных делах. Свобода передвижения по Суэцкому каналу была жизненно важна для России и, даже с окончанием постройки Сибирской железной дороги, проблема не потеряла своего значения, поскольку дорога не могла существенно повлиять на морские перевозки. Поэтому ослабление Англии в Судане и Египте было выгодно России.

Таким образом, к 1898 г. Франция фактически создала региональный политический союз, в который входили, кроме самой Франции, Россия, Эфиопия и Бельгия (через Свободное Государство Конго). Несмотря на то, что не было подписано никакого документа, который бы регулировал отношения этих государств в целом, договоренности Франции с каждым из его участников, будь то письменные или устные, все же существовали. Более того, предпринимались попытки достичь соглашения непосредственно с махдистским Суданом, при котором страна вошла бы под формальный протекторат Франции.

Ситуация в Северо-Восточной Африке, складывавшаяся в 1897 г. так благоприятно, в 1898 г. резко ухудшилась. Хотя англо-германское соглашение о разделе португальских колоний на сферы влияния было со стороны Лондона лишь тактическим ходом, чтобы заставить Германию отказаться от возможной поддержки Франции в Северо-Восточной Африке, как это случи-

лось в 1894 г., этот договор все же достиг своей цели. Французским и эфиопским экспедициям не удалось достигнуть Судана с востока, а бельгийским – с юга. В самой же Франции обострился кризис, связанный с делом Дрейфуса. Кроме того, русский посланник в Аддис-Абебе П.М. Власов стремился играть лидирующие роли при дворе Менелика даже в ущерб отношениям с французским посланником Л. Лагардом, в то время как в Петербурге рассматривали Эфиопию лишь как вспомогательный русско-французский фронт против Англии. Хотя русские офицеры участвовали во всех военных экспедициях Менелика, попытка создания «франко-русско-эфиопского» союза закончилась неудачей.

Выводы

В период Фашодского кризиса французское правительство не стало обращаться за помощью к своему российскому союзнику, поскольку не было заинтересовано в войне с Англией из-за Судана. Франция не скрывала, что добивается лишь созыва международной конференции по египетскому вопросу, и с самого начала переговоров заняла оборонительную позицию. Новый министр иностранных дел Т. Делькассе, который был настроен значительно более проанглийски, чем его преемник Г. Аното, всегда считал Берлин более опасным противником, чем Лондон, и желал договориться с Великобританией. Именно Аното, а не Делькассе, был главным архитектором антибританской коалиции, и, естественно, что после его отставки, она начала распадаться. Последовавшие

уже в период англо-бурской войны русско-французские переговоры о совместных действиях против Англии привели к заключению ряда неформальных соглашений, но такие меры как высадка десанта в Англии и русское наступление на Индию, были трудноосуществимы. Исчезла надежда на радикальное вмешательство в египетские дела, произошел некий психологический сдвиг, и в этом смысле было приближено окончательное урегулирование кризиса. Эфиопия также не воспользовалась затруднениями Англии на юге Африки того, чтобы вернуть себе восточный Судан, поскольку не была готова к войне. На наш взгляд, эти факторы заложили основу для потепления англо-французских отношений, приведшему к Антанте 1904 г.

Список литературы

1. Международные отношения. 1870-1918 гг. Сборник документов / Ред. В.М. Хвостов. М.: Госиздат, 1940. С. 88-89.
2. Морозов Е.В. Внешняя политика Эфиопии и русско-эфиопские отношения в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Геликон Плюс, 2007. С. 72-129.
3. Морозов Е.В. Путь к Антанте. Англо-французское колониальное соперничество в конце XIX – начале XX вв. СПб.: Геликон Плюс, 2008. С. 155.
4. Серова О.В. От Тройственного союза к Антанте. Итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 1983. С. 235.
5. Hertslet E. The map of Africa by Treaty. Vol. III. London, 1909. P. 948-950.
6. Hornik M.P. The Anglo-Belgian Agreement of 12 May, 1894 // The English Historical Review. 1942. Vol. LVII. № 226. P. 242.
7. Marcus H.G. The Foreign Policy of the Emperor Menelik. 1896-1898: A Rejoinder // The Journal of African History. 1966. Vol. VII. № 1. P. 119-120.
8. Newbury C.W. British Policy Towards West Africa. Select Documents. 1875-1914. With Statistical Appendices, 1800-1914. Oxford, 1971. P. 205.